Очир-Гаряев В.Э.

О ПРИРОДЕ МОДАЛЬНОСТИ И ЕЕ СОДЕРЖАНИИ

Языковая модальность возникла благодаря тому, что язык создан и существует как средство общения. Без модальности нет речи как способа общения между людьми. Модальность рождается и реализуется в речевом общении, причем каждая единица речи, оформляемая в виде предложения (высказывания), адресуется кому-либо: слушателю (собеседнику, иногда самому себе) или читателю. Именно для этой цели говорящий или пишущий оформляет свои мысли в виде отдельных предложений, "которые всегда модальны" (ГСЯЛЯ, 1995, т. 2, 151). В них отражается восприятие действительности говорящим.

Категории модальности посвящено большое количество работ, но, как справедливо заметил В.З.Панфилов, пожалуй, нет другой категории,о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности (Панфилов, 1977, 37).

Наиболее распространенное определение языковой модальности сводится к тому, что эта категория выражает отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего. Модальность прежде всего проявляется на уровне синтаксиса, и обычно она рассматривается в тесной связи с категорией предикативности. Общее грамматическое значение соотнесенности основного содержания предложения к действительности, составляющее сущность категории предикативности, расчленяясь, выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Академик В.В.Виноградов вслед за И.И.Мещаниновым относит модальность к понятийным категориям, которые "не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе..." (Мещанинов, 1978, 238).

Различны мнения ученых и в определении видов модальных значений, составляющих основное содержание этой категории. Наиболее предпочтительными представляются мнения В.З.Панфилова и Н.Ю.Шведовой, которые выделяют два вида модальности - объективную и субъективную. Так, В.З.Панфилов считает, что объективная (или онтологическая) модальность "отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые". Субъективная (или персуазивная) модальность "выражает оценку со стороны говорящего степени познанности этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности" (Панфилов, 1977, 37-48; Шведова, 1967, 3-77). Соответственно этому различается модальность синтаксического и логико-грамматического уровня членения предложения. Модальность первого типа реализуется через формы наклонения. Будучи констатацией факта, синтаксическая модальность выражает значение простой достоверности, например: *Намър хурта болна.* - Осень бывает дождливой. Если же в состав данного предложения ввести модальное слово или частицу, выражающуюпредположение, вероятность или заведомую уверенность, то оно будет характеризоваться уже логико-грамматической модальностью со значением проблематической или категорической достоверности (Пюрбеев, 1981, 27). Например: *Намър хурта болхъ кэвтə.* - Осень, видимо, будет дождливой.

Логико-грамматическую модальность можно представить в виде следующего парадигматического ряда: 1) *Тэрень унен.* - Это правда; 2) *Тэрень унен болхъ.* - Это, вероят-

но, правда; 3) *Тэрень үнен болъвза.* - Это, может быть, правда; 4) *Тэрень үнен кэвтə (билтə, бəəделтə).* - Это, кажется, правда; 5) *Тэрень үнен болълго.* - Это, конечно, правда (Мушаев, 1995, 16).

Наличие большого количества разноречивых мнений и оценок говорит о необходимости частных и обобщающих исследований на материале разных языков, дальнейшей серьезной разработки теории модальности и вопроса о видах модальных значений, в частности. В этом отношении представляют интерес исследования якутских ученых. Так, например, в грамматике якутского языка нет деления модальных значений на объективные и субъективные, так как на уровне синтаксиса глагольные наклонения выражают не только оценочно-характеризующее, но и эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к действительности (ГСЯЛЯ, 1995, 151). По мнению авторов "Якутской грамматики" наклонение глагола как средство передачи модальности не может выражать отношения действия к действительности. Оно выражает представление говорящего о действии как реальном, побуждаемом, возможном, предполагаемом, долженствовательном и т.п. Не наклонение глагола, а глагол как предикат предложения выражает отношение сообщаемого к действительности. Эти объективные предикативные отношения формируются главным образом категорями времени, лица, числа глагола. Пространственные и временные отношения в языке отражаются как объективные логико-смысловые грамматические значения, например, с помощью категорий падежа имен и времен глагола. Поэтому время глагола, как и падеж, выступает прежде всего как способ отражения объективной действительности, оно в речи выражает логико-смысловые грамматические значения. Но формы грамматического времени тоже, как лицо или вид глагола, участвуют в передаче модальных значений. Несмотря на это, время глагола в своей основе остается носителем объективных грамматических значений и предикативных признаков предложения (ГСЯЛЯ, 1995, 151).

Что касается монголистики, то категория модальности, по словам Г.Ц.Пюрбеева, "является наименее изученной" (Пюрбеев, 1981, 25).

В специальной монголоведной литературе, главным образом в грамматиках, понятие модальности рассматривается в самом общем виде, без попытки разграничения разных аспектов ее проявления и без учета всего многообразия модальных слов, морфем и словосочетаний. Кроме того, средства выражения модальности нередко смешиваются с качественно другими явлениями: вводными словами и конструкциями, утвердительными и усилительно-выделительными частицами, эмоционально-экспрессивными оборотами речи и междометиями.

По мнению Г.Ц.Пюрбеева, неоправданно расширяется и объем модальных значений, в результате чего данная категория теряет свою специфику и четкость границ. Так, некоторые исследователи включают в число модальных такие значения, как готовность, попытку совершить действие, прерванность и безрезультатность действия, а также сожаление, пренебрежение и притворство со стороны субъекта действия. Между тем указанные значения характеризуют либо способ протекания действия, либо эмоциональную реакцию говорящего, поэтому они не должны квалифицироваться как модальные (Пюрбеев, 1981, 25). Последнее утверждение далеко не бесспорно, если иметь в виду, что модальность включает в себя выражение эмоционального отношения, реакции говорящего субъекта, вызываемые общим обстоятельством, общей целью мыслей, фактом высказывания с точки зрения оценки и эмоционального освещения содержания данного высказывания.

В грамматических трудах монголистов модальность понимается и как форма реализации целевой установки речи: повествование, побуждение, вопрос, утверждение и отрицание. В соответствии с этим выделяются типы предложения по модальности. Однако, утверждает Г.Ц.Пюрбеев, деление предложений на повествовательные, побудительные, вопросительные, а также на утвердительные и отрицательные основано на интонационном принципе, коммуникативной целенаправленности высказывания, но не на принципе модальности. Утверждение и отрицание тоже не являются модальными отношениями, поскольку они не передают отношения говорящего к содержанию предложения или к отражаемым в нем связям .

Таким образом, Г.Ц.Пюрбеев выступает против расширительного понимания модальности, в силу которой эта категория на его взгляд "теряет свою специфику и четкость границ" (Пюрбеев, 1981, 25).

Между тем в современных грамматиках (например, башкирского, якутсткого языков) категория модальности трактуется весьма широко (ГСБЛЯ, 1981; ГСЯЛЯ, 1995). При таком широком понимании модальности она предстает как очень богатое и многогранное грамматическое явление, активно функционирующее на всех уровнях языка и речи. Она проявляется в области фонетики, морфологии, синтаксиса, выполняя функции актуализатора общения (ГСЯЛЯ, 1995, 152).

Модальные слова как по своему лексическому составу и семантическому содержанию, так и по способу функционирования в предложении представляют собой своеобразный класс слов, не имеющий прямого отношения ни к одной из других частей речи.

Модальные слова выражают отношение говорящего лица к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью. Иными словами, центр проявления модальности - это говорящий и его отношение к действительности, выражаемое через высказывание.

В современном калмыцком языке модальные слова по своему семантическому содержанию подразделяются на следующие разряды: долженствования, необходимости совершения-несовершения действия, возможности-невозможности (запрещенности), действительности, степени достоверности.

В калмыцком языке модальное значение долженствования выражается сочетанием причастия будущего времени и слова *зөвтә*: *Баһчуд сурхъ зөвтә.* - Молодежь должна учиться; *Мана футболистнър диилхе зөвтә.* - Наши футболисты должны победить.

По оценке говорящего содержание высказывания может получить разную степень достоверности. Значения, указывающие на степень достоверности сообщения с точки зрения говорящего, определяются как субъективно-модальные. Выражая свое личное отношение к сообщаемому, говорящий вкладывает в его содержание чувства сомнения, предположения, уверенности, категоричности и т.д.

В современном калмыцком языке выделяются три степени достоверности сообщения: простая, проблематическая и категорическая. Ср., например, следующие предложения из калмыцкого языка: 1) *Та йовънт?* - Вы пойдете?; 2) *Та йовхъ болъвзат?* - Может быть, Вы пойдете?; 3) *Та йовхъ болхъговт?* - Вы пойдете, конечно? По своей целевой установке эти предложения однотипны, они - вопросительные, но по модальности - различные. Первое из них отличается модальностью простой достоверности, второе - проблематической достоверностью, а третье - характеризуется модальностью категоричности. Выступая в повествовательной форме, приведенные выше предложения дифференцируются также на три указанные разновидности модальности. Ср.: 1) *Та йовхът.* - Вы пойдете; 2) *Та йовхъ биз (Та йовхъ чиген биз).* - Вы, может быть, пойдете (Возможно, Вы пойдете); 3) *Та йовхъ болълго (Та йовълго).* - Конечно (же), Вы пойдете.

Если модальность простой достоверности нейтральна и однородна, то проблематическая и категорическая модальности, по мнению Г.Ц.Пюрбеева, заключают в себе целый ряд смысловых оттенков и нюансов, точно определить которые порой очень трудно. Так, в пределах проблематической достоверности выражаются различные оттенки сомнения, неуверенности, допустимости и т.п. Передаются они разнообразными средствами и в первую очередь модальными словами на *-та/-тә: кэвтә, бәәделтә, болълта, билтә, дүртә, янзта.* Эти слова обычно выступают в сочетании с причастиями, но некоторые из них могут употребляться и с финитными формами глагола: *Доржъ аашхъ кэвтә.* - Кажется, Дорджи идет. К типичным модальным словам со значением проблематической достоверности относятся слова *маһъд* и *маһъдго*: *Маңһъдур балһсъ орхъм маһъд.*- Возможно, завтра я поеду в город.

В калмыцком языке проблематическая модальность со значением недостаточной уверенности и предположения выражается также следующими аналитическими сочетаниями: вспомогательным глаголом *бол* - в форме будущего времени изъявительного наклонения с основным компонентом в форме причастия (например, *ирсен болхъ* - наверное,

пришел, *ирдег болхъ* - наверное, приходит); вспомогательным глаголом *алдхъ* в форме на *-лта* с основным компонентом в форме причастия или деепричастия: *Гэртень гииче ирсен алдълта.* - К ним, кажется, приехал гость; Ср. *Гэртень гииче ирже алдълта* - "то же".

Проблематическая модальность в калмыцком языке передается и с помощью частиц *биз, хə, хə йир, хə биз.* Например: *Хə йир, күүкед школасын ирəд уга болхъ.* - Вряд ли вернулись дети из школы. *Хə биз, хəрү ирхен уга* (Э.К.) - Навряд ли назад вернется.

Модальность категорической достоверности содержания сообщаемого передает оттенки полной и абсолютной уверенности говорящего. Наиболее распространенными показателями её являются модальные слова *лав, лавта*: *Хуцъ лавта сən* (Д.Б.) - Валух, действительно, хорош.

В калмыцком языке категорическая модальность с оттенком бесспорного утверждения и абсолютно полной уверенности выражается обычно вспомогательным глаголом *бол-* в форме на *-лго* и *-нус, -нүс*: *Эне кэнə машимбе? - Эзнənень болнус* (Д.Б.) - Это чья машина? - Наверняка, хозяйская. *Эзнənень болълго* - "то же".

Необходимо отметить, что в калмыцком, равно как и в других монгольских языках, нередко имеют место случаи совмещения двух показателей модальных значений. Например: *Советин йоснаъс бише тайгасын бэркел хаһцхъ бəəсен болълтав* (Д.Б.) - Если бы не Советская власть, вряд ли я расстался бы с посохом. В этом предложении модальные слова *бэркел* и *болълта* выражают сомнение (См. Пюрбеев, 1981, 29).

Значение возможности-невозможности (запрещенности) в калмыцком языке выражается посредством модальных глаголов *чадхъ, ядхъ: Эне марһа шүүҗе чадхъв* (разг.). - Это пари я смогу выиграть. *Эне марһа шүүҗе ядхъв* - Это пари я не смогу выиграть.

Объективная модальность необходимости совершения-несовершения действия выражается в калмыцком языке аналитически: чаще всего сочетанием глагола будущего времени и модальных слов *кэрегтə, учърта* со значением долженствования, а также вспомогательного глагола *болхъ*. Например: *Тадын йовхъ болҗанат* (разг.). - Вам предстоит (вы должны) ехать.

В калмыцком языке значения необходимости и возможности могут передаваться и синтетическим способом. Для этой цели используется глагольная форма на *-лһта: одлһта* - надо будет пойти, *дуулълһта* - надо будет спеть, *кэлелһтə* - надо будет сказать. Как отмечает Г.Ц.Пюрбеев, грамматическое значение и контекст употребления этих глагольных форм ещё не получили освещения в монголоведных исследованиях (Там же, 27). Модальность возможности в калмыцком языке выражается также специальной формой на *-м, именуемой потенциальным причастием.* Например: *Гэгəндень үүле бəрем, гэрелдень аду манъм* (Пюрбеев, 1977, 99) - В сиянии её можно рукодельничать, в лучах её можно караулить табун.

Разновидностью модальности, отражающей объективные связи, является модальность действительности. Выражается она формами изъявительного наклонения и показателями её выступают такие синонимические слова, как *үнəр, үнендəн*. Например: *Урълдандъ түрүлҗе ирсен мөрен үнендəн сən* (разг.). - Лошадь, которая пришла первой, действительно, хорошая.

В роли показателя модальности действительности в калмыцком языке, кроме названных выше, употребляется словосочетание *наадын уга* со значением "всерьез, в самом деле". Например: *Наадын уга, тэрень мэл тааван дүрстə* (Д.Б.) - В самом деле, он (репродуктор) был точно похож на сковородку.

В современной лингвистике до сих пор нет единого ответа на вопрос, являются ли модальные образования отдельной частью речи. Одни ученые отвечают на этот вопрос отрицательно (Виноградов, 1950, Жирмунский, 1968), другие определяют их как служебные части речи (Бондарко,1977, Петров, 1984). Близко к ним мнение Т.А.Бертагаева (Бертагаев, 1964). Ряд ученых считает, что есть основания для выделения модальных образований в отдельную часть речи (Мещанинов, 1978, Кононов, 1960, Баскаков, 1952). Компромиссную точку зрения высказал исследователь В.Н.Мушаев, который считает, что категория модальности как своеобразное синтаксическое явление "частично находится в

процессе становления" (Мушаев, 1995, 18). Следует отметить, что такой вывод стал возможным в результате обстоятельного анализа автором вводных элементов современного калмыцкого языка, имеющих самое непосредственное отношение к категории модальности. Причем вопрос о природе, границах и способах выражения языковой модальности продолжает оставаться в числе самых сложных и спорных в теоретическом языкознании.

В.Н.Мушаевым установлено, что в качестве вводно-модальных образований в калмыцком языке употребляются слова разных лексико-грамматических категорий. Они характеризуются относительной неизменяемостью и морфологической нечленимостью. По своему происхождению большинство этих образований связано либо с глагольными формами: *санхдъ* - думается, кажется, *шинҗелхде* - кажется, *мэдүләд кэлхде* - яснее, иначе говоря; либо с наречно-именными формами: *үгин заагтъ* - между прочим, *ташър дээрень* - кроме того, *тэре (эне) хоорънд* - между тем, *тэре кэмдень* - в тот момент, *нэге халхарънь...наадкъ халхарънь* - с одной стороны... с другой стороны, *мини хөвде (хөвәр)* - к моему счастью (Мушаев, 1995, 19).

Углубленный анализ вводных элементов позволил В.Н.Мушаеву сделать важный вывод: "Они (вводные элементы - В.О-Г) начинают в большей или в меньшей степени утрачивать связь с формами тех частей речи, от которых произошли, переходя в разряд образований, близких к так называемым модальным словам... Таковы, например, вводно-модальные словосочетания с застывшим суффиксом *-та/-тә*": *һацата юмън (кэвтә)* - как назло, *җигтә юмън* - странно, удивительно. Ср. также формы, как *нэге үлү* - подавно, кроме того, *йириндән (йирдән)* - вообще, обычно, а также пары синонимичных слов, характеризующихся своей синтаксической и семантической двуплановостью: они могут быть как вводными, так и обстоятельственными словами. Причем установление их семантической функции в большинстве случаев затруднительно. Например: *аш сүүлдень, үг сүүлдень* - в конце концов, наконец. К этой же группе В.Н.Мушаев относит вводные образования, производные от имен числительных, также застывших в определенной падежной форме: *нэгдвәр* - во-первых, *хойърдвар* - во-вторых. Следует заметить, что во всех монгольских языках данные формы обособляются.

Определяя семантические, морфологические и синтаксические особенности вводно-модальных образований, В.Н.Мушаев указывает на необходимость отграничения их от явлений вводности и модальности как более общих категорий. Понятия вводные и модальные образования не тождественны: вводные образования выражаются, кроме модальных, другими лексико-грамматическими категориями, а модальные образования не всегда выступают в роли вводных.

П.П. Дамбуева - автор монографического исследования "Категория модальности в современном бурятском языке" справедливо утверждает, что "модальные слова принадлежат морфологическому уровню языка и включаются в однородный ряд следующих терминов: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, союз, частица и т.д". Вводные же слова, по ее мнению, относятся к синтаксическому уровню и входят в однородный ряд терминов: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обращение и т.д. Смешивать эти разноуровневые понятия - означает не разграничивать морфологические единицы и их синтаксические функции и не видеть разницы в параллели "имя существительное" - "подлежащее", "глагол" - "сказуемое" (Дамбуева, 2000, 181.)

В связи с модальной характеристикой вводных элементов нельзя пройти мимо вопроса о модальных частицах, которые выделяются как самостоятельный разряд. При отграничении вводно-модальных слов от частиц в современном калмыцком языке может применяться позиционный критерий, отражающий глубинные семантические особенности (Мушаев, 1995, с. 34). Уместно отметить, что о модальных значениях частиц писал еще автор первой "Грамматики калмыцкого языка", изданной в Казани в 1847 г., А.Попов: "Значения сомнительности, неправдоподобности, возможности действия передаются при помощи слов *магад* (вероятно), *магадгүй* (может быть) и выражений *бодвол, бодоход* (по-моему, как я думаю), а также частицы со значением сомнения за" (Попов, 1847, 5).

Очевидно, что лексическому выражению модальности должны быть посвящены специальные исследования с целью более полного выявления модальных слов и частиц,

функционально-модальных слов, находящихся на стадии перехода в модальные слова. Для этого, как верно отмечает П.П.Дамбуева, необходимо обращаться к процессам, происходящим в сфере взаимовлияния устных и письменных форм языка. При изучении модальности особо следует обращать внимание на живую разговорную речь, ибо разговорная речь - это кузница языковых изменений, арена действия человеческого фактора в языке (Дамбуева, 2000, 168).

Использованная литература

1. ГСЯЛЯ - Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995.

2. ГСБЛЯ - Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.

3.Дамбуева П.П. Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 2000.

4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.

5. Мушаев В.Н. Вводные элементы в структуре калмыцкого предложения. Элиста, 1995.

6. Панфилов В.З. Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения и суждения // ВЯ, 1977.

7. Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.

8. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.

9. Пюрбеев Г.Ц. Категория модальности и средства её выражения в монгольских языках //ВЯ : №5, 1981.

10. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке //Русский язык. М., 1967.

11. Д.Б. - Доржин Басң. Мини отк. Элст, 1968.

12. Э.К. - Эрнжәнә Константин. Шүлгүд, келврмүд болн түүкмүд. Элст, 1964.